

Ф. В. Шелов-Коведяев

Остракизм и остраконы Пантикапея

В статье публикуются остраконы из Пантикапея и излагаются ключевые вопросы истории института остракизма. Новые артефакты подтверждают, что до Спартокидов на Боспоре не было тиранической династии Археанактидов, но существовала аристократическая республика.

Ключевые слова: остракизм, остраконы, Боспор, Пантикапей.

Главная цель настоящей статьи — публикация около полутора десятков «остраконов для остракизма» (по выражению И. Е. Сурикова), происходящих из коллекции граффити Пантикапея, хранящихся в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве и ГБУ РК «ВКИКМЗ» в Керчи¹. Однако прежде, чем представить их подборку, необходимо высказать несколько общих соображений.

Остракизм

Общепризнано, что остракизм в древнегреческом мире — осуществлявшаяся путём голосования особая процедура внесудебного изгнания по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан полиса на определённый срок без их поражения в гражданских (имущественных и проч.) правах с последующим восстановлением изгнанников и в политических правах [ср.: 8, с. 15]. Как выяснилось в последние десятилетия, использование с этой целью глиняных черепков, на которые наносились имена тех, кого предлагалось вы-

дворить за пределы общины, было — за исключением Сиракуз, где в аналогичных случаях (Diod. XI86-87) применялись масляные листья (т. н. *петализм*) — свойственно не одним Афинам.

Одновременно становится всё более очевидно, что остракизм выступает порождением феномена полиса, как такового: он оказывается присущ не только демократиям, но и аристократиям, и олигархиям. Такая история института позволила Клод Моссэ прийти к выводу, что в Афинах данный инструмент окончательно оформился в тот период их истории, когда судьбы народовластия находились в руках незначительного числа конкурирующих между собою знатных родов [32, S. 160-164; 33, p. 146 *subv.*; 34, p. 358 *subv.*]. Важно зафиксировать, что, зато, он не применялся тираниями, которые решали возникающие у них проблемы радикально проще [ср. ко всему: 8, с. 18; 95].

Серьезные изменения претерпели и представления о хронологии явления. Раньше, вслед за сообщением Аристоте-

¹ Искренне благодарю за возможность публикации В. П. Толстикова, руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, Т. В. Умригану, директора ГБУ РК ВКИКМЗ, и его сотрудников за благожелательность и сотрудничество.

ля, полагали, что первый акт остракизма (по закону, проведённому Клисфеном в 508/7 г. до н. э.) состоялся в экклесии Афин в 488/7 г. и был направлен против Гипшарка Хармова. Теперь сведения из Codex Vaticanus Graecus 1144 и остраконы с Агоры, датируемые VI и даже VII вв. до н. э. показывают, что первоначально голосование проводилось в учреждённом ещё Солоном Совете Четырёхсот [ср.: 37, р. 228], а до того, возможно, и в Ареопаге. Оттуда оно перешло в клисфеновский Совет Пятисот (о чём сообщает Эсхин: [I 111–112]) и лишь потом — в Народное собрание полиса. Тем самым, есть все основания находить афинские остракизмы корни уже в VII в. до н. э. [8, с. 45–46; 97; 182–204, особ. 192; 410–411]. Также выяснилось, что в Мегарах, Эфесе и Аргосе (?) остракизм отмечается никак не позднее клисфеновой реформы, а то и ранее неё, в Кирене же и Херсонесе Таврическом он практически синхронен деятельности Клисфена [8, с. 192; 451; 463; 470]. То же относится и к Милету.

Аналогичные наблюдения касаются и распространённости института. Прежде, опираясь на авторитетные нарративные источники, говорили об остракизме (помимо Афин) исключительно в Аргосе, Мегарах, Милете, Эфесе и Сиракузах [8, с. 191–192; 443–445]. Притом, хотя надёжно об этом можно было судить лишь применительно к Сиракузам, где он появился в 450-е гг. до н.э. в результате афинской экспедиции [8, с. 443], считалось, что и во всех иных местах он возник под влиянием Афин и, значит, позднее, чем там [см. об этом: 8, *passim*]. Ныне, благодаря находкам остраконов, круг центров, отмечившихся остракизмом, расширился [ср.: 8, с. 191–192; 446 и др.] за счёт Ольвии [5, с. 94 сл.; ср. также возможный остракон V в. до Р. X.: 24, № 34], Херсонеса Таврического [6, с. 121–141; 7, с. 111–117; 1, с. 48–73; 41, р. 84–119; 8, с. 98 сл.; 42, с. 397 ff.; 2, с. 36–46; 3, с. 91–129; 43, р. 111–131; 44, с. 379–386], Кирены [15], Фанагории и Гермонассы [14] (а значит, — поскольку институты заимствовались апоикьями из метрополии [26, с. 110 ff.; 222 f.; 240–243] — и их материнских полисов Теоса и Ми-

тилены) и, наконец, Пантикапея, и также, вероятно, Гелы [насколько можно судить по 25, № 142a-c, 143ab, 144a-f, 150, 168b]. А приведённые выше хронологические наблюдения поставили под сомнение афинский приоритет [8, с. 192].

Пришлось отказаться [8, с. 48] и от старой идеи о том, что все остраконы изготавливались специально. Такое случается: например, коллекция в 190 бюллетеней против Фемистокла из комплекса колодца на Агоре [35, р. 137; 8, с. 54; 281–282] или оба — из Фанагории [14, № 11–2]. Но чаще для них используются обычные обломки — куски черепицы или расписных ваз, малые осколки либо археологически целые сосуды [31, 133 sqq.; 14, № 2: Гермонасса; 8, с. 48].

Но встаёт вопрос: полтора десятка памятников — достаточно ли, чтобы утверждать, что в Пантикапее была остракофория? Для ответа на него важны данные не столько по Аргосу, Мегарам, Милету и Эфесу, где, при надёжной нарративной традиции, известно лишь по одному (!) остракону, Гермонассе и Фанагории (по два: [14]), Ольвии (1–2), Кирене (12: [15; 8, с. 446]) или Херсонесу (надёжных — 26: [41, р. 84–119; ср. 8, с. 446; 14]), сколько история их накопления в Афинах, где их — *только теперь* — набирается более 10 тысяч (см. к дальнейшему: [8, с. 52–55; 72; 116]).

Дебютный афинский остракон стал известен в 1853 году. Точные сведения имеются о подобной находке от 1867 г. Ещё три были открыты в 1886, 1891 и 1897 гг. Так продолжалось до 1910 года, когда на Керамике был обнаружен первый комплекс из нескольких десятков артефактов. NB: в течение почти 60-ти лет, прошедших между 1853 и 1910 гг., были известны всего 5 остраконов. И это — в Афинах, где в тот период одновременно работали французская, немецкая, британская и американская археологические миссии, естественно стремившиеся каждая добиться наиболее ярких и исторически содержательных результатов!

Лишь с 1920-х годов счёт пошёл на сотни, и в 1990-м Мэбел Лэнг [31] смогла опубликовать 1337 памятников (из них

беспорных — 1069). В 1994–1997 гг. их число пополнилось ещё 150 экземплярами. Но самое сенсационное открытие, давшее итоговую на сегодня цифру — сразу 8,5 тысяч, было совершено на Внешнем Керамике во второй половине 1960-х гг. немецкими археологами. Любопытно, что из этого общего количества 4,5 тысячи приходится на Мегакла Гиппократова, «всего» 2 — на куда более знакомого нам Фемистокла, 700 — на Каллия Кратиева, 423 — на Кимона Мильтиадова, 100 — на Клеппида Дидиева. Итого, 7723 бюллетеня охватывают лишь *пять* — и не все в этой пятёрке равновелики — фигурантов из общего подбирающегося к сотне имён их списка. Притом, что большинство лиц, включая таких знаменитостей, как Перикл или оба Алкивиада, представлены 1–2 или 6–7 черепками. Последнее особенно важно для пантикапейского материала, где известны только две серии по два остракона, а большинство их дошло в одном экземпляре.

С методической же точки зрения принципиально важно вычленил критерии, которые относят черепок к категории «остраконов для остракизма». Нельзя сказать, что этому не уделялось внимания [см.: 31; 21; 40; 8]. Однако, такого рода наблюдения рассыпаны по разным местам соответствующих публикаций и монографий. Мнения предшественников на данный счёт суммируются в следующую сводку [ср: 8, с. 57–58; 73; 108; 412]: (а) нанесение надписи по очертаниям черепка, включая её привязку к одному из его краёв, и её переход, в случае необходимости, во вторую и т. д. строку; (б) начертание граффито на внутренней стенке закрытого сосуда — гарантия его остракофорной природы; (с) наличие нарративных источников о практике остракизма в том или ином полисе; (д) наличие бесспорного археологического контекста (Агора, Керамик); (е) сопровождение имени/имён кандидата на изгнание приписками (τὸστρακὸν «остракон (такому-то)», ὀστρακίδω «изгоняю») и пожеланиями издевательского (τιμῆς ἕνεκα «чести ради»), инвективного

(πρόδοτης «предатель», φιλάργυρος «сребролюбец», βωροβόκοτατος «наивзяточник») или иного негативного характера (ἴτω «пошёл (такой-то)!»), ἴοι «шёл бы», ἔχε «получи!», ἔχσο «убирайся!», φευγέτω «беги!» и т. п.), уничижающими прозвищами (δῶνος «осёл», ἄτιμος «бесчестный, обесчещенный», ἀλιτρός «осквернённый», μοιχός «блудник», καταλύων, λύσιαι etc.) и/или карикатурами, а также уничтожающими эпитетами (ὕπεραϊος ἄγος: проклятие земли) и значками (перекрестьями, зачёркиваниями и т. п.); (f) написание ЛИ с патронимиком; (g) специальное изготовление остракона.

Наряду с ценностью самого стремления дать перечень черт, отличающих граффито, причастные остракизму, очевидны и слабости предложенного их списка. Во-первых, (с) дискриминационен, т. к. применим он лишь к Афинам, Милету, Аргосу, Мегарам, Эфесу и Сиракузам, ведь для иных полисов нарративные источники отсутствуют. Во-вторых, (d) пока подходит вообще одним Афинам. В-третьих, настаивание на обязательном наличии имени с патронимиком (f), когда оно присутствует далеко не всегда даже в Афинах (см. ряд артефактов Алкивиада, Архена, Аристида, Габроника, Гегестрата, Гиппарха, Гипократа, Каликсена, Ксантиппа, Менона, Фемистокла, Эвкрата... [31]), или признание остракофорами надписей на внутренней стенке *только закрытого сосуда* (b) явно чрезмерны. О необходимости отказаться от придания большого значения заблаговременной подготовке черепка уже сказано. В общем, — с остающимися а + е, при всей их важности, — слабовато для классификации.

Поэтому считаю необходимым предложить следующие основания для отнесения граффито к числу тех, что были использованы для «суда черепков»:

1. Мужское ЛИ в именительном падеже (в отличие от владельческих меток, ставившихся в генитиве); сопровождение его патронимиком не обязательно, хотя присутствие последнего дополнительно укрепляет интерпретацию;

2. То же самое в дательном падеже (кому предлагается отправиться в изгнание); то же в винительном падеже (кого пишущий хочет видеть изгнанным);

3. Аристократический характер указанного имени;

4. Следование надписи очертаниям фрагмента, в том числе криватуре поддона/опоры/донца сосуда (владельческие пометы писались по центру, диагонали или хорде днаща);

5. Нанесение её на внутреннюю поверхность стенки сосуда;

6. Уничтожительные, негативные и т. п. характеристики, даваемые упоминаемому на обломке лицу;

7. Сопровождающие имя кандидата на изгнание уничтожающие значки, подобные тем, что используются в магических текстах;

8. Упоминание (когда имеются о нём сведения) подразделения гражданского коллектива (филы, дема и т. п.);

9. Преднамеренная заготовка остракона (отбитая опора ножки килика или канфара, выпиленная часть амфорной стенки и т. д.).

Притом, 1 и 2, 6 и 7 взаимозаменяемы, 4 и 5 находятся в отношениях обоюдной дополнительности, а 8 и 9 — не обязательны. Значит, необходимым и достаточным для признания остракофорного характера граффито является следующее сочетание: 1(или 2)+3+4(5), желательны также 6(7).

Остраконы Пантикапея

1. ГМИИ, инвентарный № М-1213 (рис. 1). $\text{Qó}\lambda\chi\beta\iota$.

Рис. 1. Остракон: Колху (дат. пад.). Рубеж VI–V вв. или V в. до н. э.

Последняя графема напоминает здесь пятичастную угловатую сигму. Но такая её форма использовалась исключительно в Лаконии [28, табл.; 30, табл.], что делает чтение данной литеры, с учётом ограничения активности Спарты в Великой греческой колонизации одним апулийским Тарентом и отсутствием у неё интереса к развитию торговых связей с отдалёнными от неё территориями, невозможным. Не было в лаконском алфавите также открывающей надпись *копты* и представленной на фрагменте формы лямбды.

Зато напоминающий сигму финальный знак обозначал в письме западно-ионийских островов (Итаки, Кефаллонии, Коркиры) *йоту*. Известны там и *копта*, и такого же, как тут, начертания лямбда, и *хи* [28, табл.; 30, табл.]. Писавший — не первый на Боспоре выходец и того региона: другой оставил граффито с точно такой же йотой в записи о пожертвовании в святилище Кэры в Фанагории [11]. Но там мог быть коммерсант, прибывший на Таманский берег по своим делам, а тут со всей очевидностью гражданин полиса — эпойк, прибывший, как археологически установлено [10, с. 460, 462], в Пантикапей во второй половине VI в. до н. э. с новой волной переселенцев, и продолжавший писать в манере, которой выучился у себя на родине.

В пользу бюллетеня для голосования по процедуре остракизма говорит следующее: следование надписи излому фрагмента, дательный падеж имени, нанесение его на внутреннюю стенку закрытого объекта (т. е. после прекращения его использования по основному назначению, что исключает интерпретацию граффито как дарственного) и природа самого имени. Луи Робер настаивал, что имена Колх [16, № 13: Кос] и Скиф [17, № 412, р. 497: Фасос] давались детям в тех эллинских семьях, что имели деловые связи с соответствующими областями древнего мира. Экономические отношения раннего Пантикапея с Колхидой хорошо прослеживаются археологией. Семья же,

бывшая в состоянии вести операции со столь удалённой от Боспора территорией, несомненно, принадлежала к элите пантикапейского полиса.

2. ПАН-2015, полевая опись № 131 (рис. 2). Θερ-

Рис. 2. Остракон: *Θερ(сандρ) velsim.*
Рубеж VI-V вв. до Р. X

Обращает на себя внимание архаичный облик всех трёх сохранившихся букв. Об остракофорной природе черепка говорит аристократический характер имени (все начинающиеся на буквосочетание Θερ— ΑΗ были таковыми), его написание на закрытой поверхности специально избранного носителя (отбитой опоре ножки килика типа С ранней группы) и «перевернутый» ход следующего изгиба артефакта граффито (владельческие записи наносились в аналогичных случаях справа налево не от края, а от центра).

3. ГМИИ, инвентарный № М-1548 (рис. 3). Ὑητος² ὁ Σκί[θου].

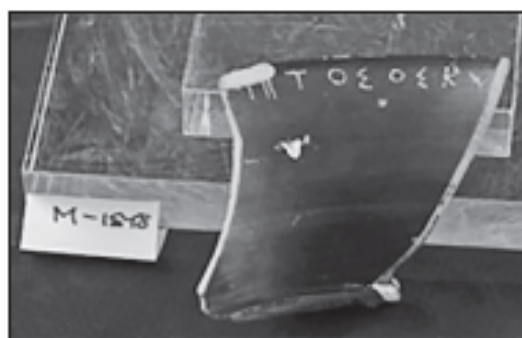

Рис. 3. Остракон: *Гизт сын Скифа*
I четв. V в. до Р. X

К формуле см., напр., [31, № 70, 81, 118]. Надпись (ЛП в им. пад. с отчеством) нанесена на внутреннюю поверхность стенки расписного открыто-

го сосуда к. VI — н. V вв. до н. э. Имя Гизт происходит от естественной для Диониса эпитезы Ὑης (текущий, проливающийся; ср. эпитет его матери Семелы Ὑη и отца — Зевса — Ὑη/έτιος, «льющийся»)[см., напр.: 36, индекс], что не только указывает на его аристократический характер, но и подчёркивает особую маркированность дионисова культа на Боспоре [ср.: 12]. Об антропониме Скиф см. № 1. Перечисленные свойства, как и следование граффито очертанию закраины, однозначно свидетельствуют о том, что это — свидетель остракизма.

4. ПАН-2004, ГБУ РК ВКИКМЗ инвентарный № КМГ 3565 (рис. 4). Фрагмент чернолакового блюда, по характеру лака (с оливковым отливом, жидкий, местами побуревший) — моложе №№ 2 и 3. По внешней стороне, в целом соблюдая изгиб края: Μένων.

Рис. 4. Остракон: *Μένων (им. пад.)*
Конец I четв. V в. до Р. X

Шрифт надписи вполне мог бы укладываться и в VI век, однако тип предмета и качество лака указывают на более позднюю дату. Падеж имени, его несомненный аристократизм, привязка граффито к верхнему краю обломка, выбор поверхности для его нанесения — всё говорит об использовании остракона с целью изгнания названной на нём личности.

5. ПАН-2016, полевая опись № 228 (рис. 5). Венчик килика типа С поздней группы. Πυθέης. Одно из двух граффито серии Пифея.

Размер лакуны перед начальным пи, заметно превышающий объём прочих

² Курсивом в статье отмечены неполностью сохранившиеся знаки в греческих граффити.

Рис. 5. Остракон: Пифей (им. пад.).
Начало 2 четв. V в. до н. э.

интервалов между буквами, исключает восстановление перед ним ещё каких-либо знаков, а, следовательно, и посвятельный характер надписи. Кроме того, порядок слов в вотивах предполагает расположение имени посвяителя на первом, но не последнем месте. Аристократическое ЛИ Пифей связано с перенесённым из метрополии Пантикапея — Милета — культом соалтарных божеств Аполлона и Артемиды Пифийских, что снова [ср.: 13] подтверждает их почитание на Боспоре. Падежное окончание, элитный АН и написание текста с привязкой к левому и верхнему краям черепка показывают, что он был использован для остракофории.

6. ПАН-2016, полевая опись № 231 (рис. 6). Венчик килика типа С поздней группы. [Πυ]θήης. Второе граффито серии Пифей.

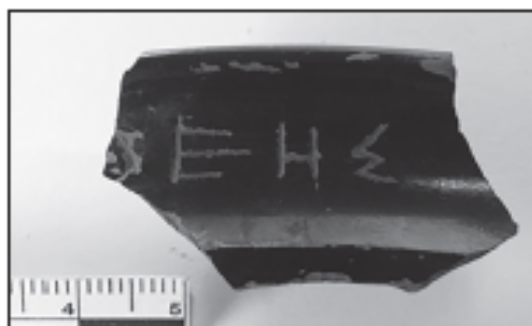

Рис. 6. Остракон: Пифей (им. пад.).
Начало 2 четв. V в. до н. э.

См. комментарий к № 4.

7. ПАН-2006, полевая опись № 179 (рис. 7). Донце открытого сосуда для питья. Дательный падеж ЛИ: -акει.

Падежное окончание, наличие большого количества аристократических имён, заканчивающихся на -акης [23, s. v.], расположение граффитопо кривату-

Рис. 7. Остракон: -акей (дат. пад.).
2 четв. V в. до н. э.

ре внешней стороны поддона открытого сосуда для питья, нарочитый выбор объекта для её нанесения открывают, что он был использован для остракизма.

8. ПАН-2002, полевая опись № 80 (рис. 8). Донце открытого сосуда для питья. Па́лас. Одно из двух граффито серии Папаса.

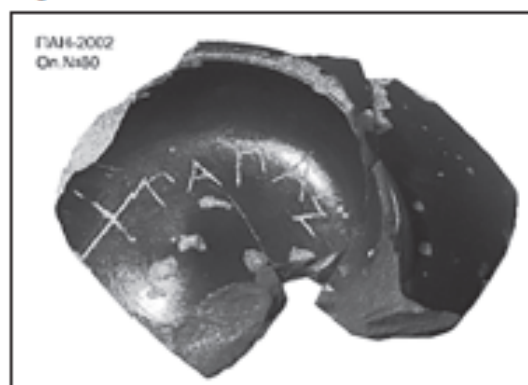

Рис. 8. Остракон: Папас (им. пад.).
Середина V в. до н. э.

ЛИ Папас хорошо документировано для верхушки боспорского общества [см. 4, указатель] с раннего времени. На остракофорную природу надписи указывают также её падеж, её размещение на внешней стороне дна, её следование изгибу последнего и уничтожающий значок, предшествующий антропониму (не для защиты от духов опьянения, ибо тогда большой крест ставился поперёк дна).

9. ПАН-2009, ГБУ РК ВКИКМЗ инвентарный № КМГ 4381 (рис. 9). Фрагмент стенки чернолакового сосуда. Па́лас. Второе граффито серии Папаса.

Присутствие на черепке лунарной сигмы и одной изгибающейся вертикали второго *ni* с равновеликими опорами не препятствует предложенной датировке. Во-первых, они сочетаются

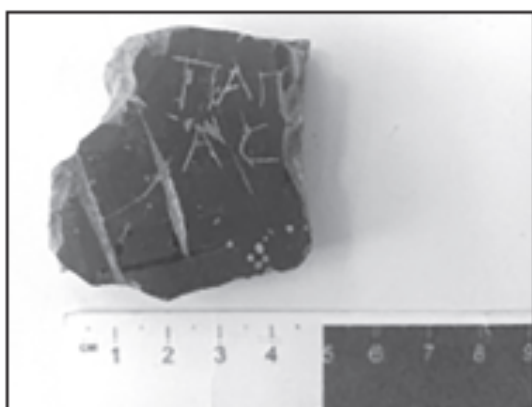

Рис. 9. Остракон: *Патас* (им. пад.).
Середина V в. до н. э.

с архаичными формами обеих альф, что говорит об относительно ранней дате. Во-вторых, даже в лапидарных памятниках употребление лунарных литер в периферийных [20, № 449] или провинциальных [19, № 270] регионах ныне удревняется до 2 пол. IV в. до Р. Х., опережая ведущие центры, как минимум на полстолетия. В-третьих, давно замечено, что (аналогично курсиву в рукописях [38; 39, р. 199; 218]) лунарный прифт завоёвывает в керамической эпиграфике [29; 18, № 481, р. 500] позиции намного раньше и быстрее, чем в документах на камне. Поэтому, подобно тому, как ионийское письмо с опережением распространяется в афинских *острака* V в. [8, с. 59–60], так и лунарная *сигма* массово представлена на расписной керамике даже ранее 400 г. до н. э. [22, р. 493], — притом, что впервые она зафиксирована уже в составленном по-гречески тексте на глиняной табличке из архива Дария I в Персеполе ок. 500 г. до н. э., что позволяет ставить вопрос о появлении такой графики ещё в VI в. до н. э. [27, р. 158].

Граффито следует очертаниям обломка, с переносом не уместившихся букв во вторую строчку, прочерчено поперёк стенки и включает в себя «связывающий» рисунок. Последнее, вкупе с размещением надписи строго между рёбрами сосуда, исключает её протяжённость за пределы сохранившихся знаков, а заодно и версии об её вотивном (например, Асклепию) или магическом характере. О прочих аргументах в

пользу «остракона для остракизма» см. комментарий к № 8.

10. ПАН-2002, ГБУ РК ВКИКМЗ инвентарный № КМГ 3214 (рис. 10). Стенка закрытого сосуда, возможно, ойнохон. Лак густой, плотный, блестящий, с оливковым оттенком и покраснением. Поперёк фрагмента: [Κ]λε(ι)τόμαχος.

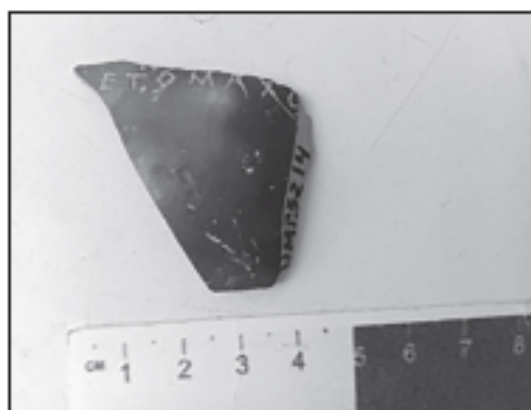

Рис. 10. Остракон: *Клитомах* (им. пад.).
Сер. — нач. 3 четв. V в. до н. э.

Правый скат лямбды читается по сколу вначале, от конечной угловатой ситмы сохранился срыв начертания её третьей части (ср. № 8). Надо отметить хорошо известный ионизм в написании дифтонга *κι* через *ε*. Обратный ономастический словарь [23, с. v.] не допускает иных вариантов восстановления аристократического имени. Это качество такового вместе с его падежной формой и расположением граффито по очертаниям обломка делают артефакт жетоном, поданным за высылку упомянутого в нём лица.

11. ГМИИ, инвентарный № М-121 (рис. 11). Поддон килика, дно вместилища аккуратно проштамповано пальметтами (сохранились две из шести). *острак* [ὄντᾱίβεῖν].

К формулировке см. [31, № 1065].
Формула и её начертание по криватуре

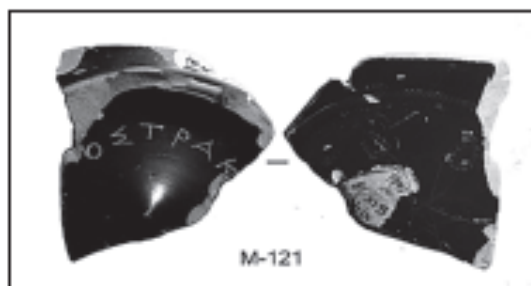

Рис. 11. Остракон: *остракон (такану-то)*.
3 четв. V в. до н. э.

внешней поверхности специально использованного дна килика делают фрагмент остракофором.

12. ПАН-2016, полевая опись № 86 (рис. 12). Перевернутая закраина открытого красноглиняного сосуда (лутерия?). По её внутренней поверхности: Θα-.

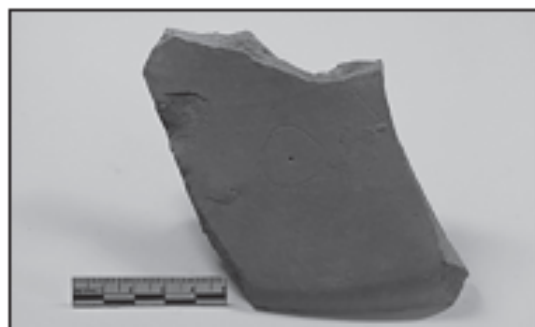

Рис. 12. Остракон: *Ta(psalidi) velsim*.
3 четверть V в. до н. э.

Аристократический характер имён, начинающихся на Θα-, внутренняя сторона сосуда, избранная для надписи и привязка последней к форме обломка, а равно обращённая вниз закраина, купно обличающие специальное подготавливание артефакта и отрицающие вотивное или собственническое его назначение, раскрывают граффито как изготовленное для остракофории.

13. ПАН-2003, ГБУ РК ВКИКМЗ инвентарный № КМГ 3366 (рис. 13). Кольцевой поддон большого чернолакового килика, между полосами лака оставлены не закрашенные круги естественного красноглиняного цвета. Лак плотный, местами оливкового или бурого оттенка. [Α]σπασίος.

От конечной сигмы сохранился верхний уголок. Падежная форма и аристократизм имени, типичный для остракиз-

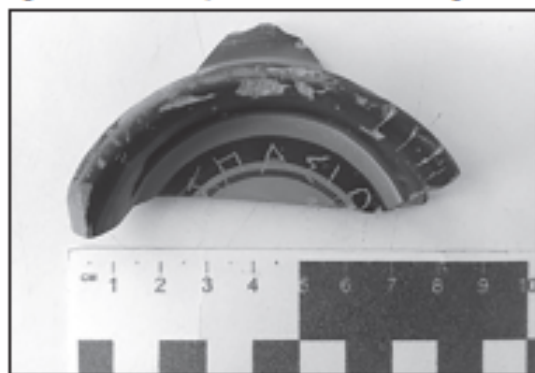

Рис. 13. Остракон: *Аспасий* (им. пад.).
3 четв. V в. до н. э.

ма выбор носителя надписи и её строгое следование изгибу поддона не оставляют сомнений в её предназначении.

14 (?). ПАН-1999, полевая опись № 123 (рис. 14). Кольцевой поддон большого красноглиняного килика. [ὁ βεῖναε. γ. Θ]ύμωνος (?).

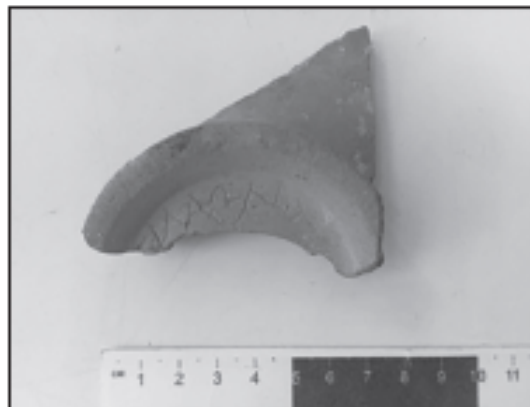

Рис. 14. Остракон (?): (такой-то) сын в. г.
Тимона 1 пол. V в. до н. э.

В пропавших 60% фрагмента достаточно места для любого мужского ЛИ в им. пад. Формальные признаки, включая ономастику, также удовлетворяют тому, что черепок — полноценный остракон. Однако, полностью исключить возможность регулярной владельческой записи в генитиве нельзя.

15 + (?). Имеется ещё несколько керамических обломков, похожих на № 14. Однако, всем им свойственны те же ограничения, что и ему.

Выводы

Материал представленного каталога удостоверяет, что в течение первых трёх четвертей V в. до н. э., возможно, что и в конце VI в., в Пантикапее непрерывно функционировал институт остракизма. Что, в свою очередь, доказывает, что в указанный период его полисная организация соответствовала аристократической стадии демократии.

Тем самым устанавливается, что не было ни тирании Археанактидов, ни поскольку остракизм есть механизм мирного урегулирования противоречий между несколькими знатными кланами (см. выше) доминирования (как полагали некоторые

старые авторы: см. [10, с. 432 сл.] в раннеклассической пантикапейской политической жизни одного семейства. Всё это создаёт новое мощное основание для нашего предложения [10, с. 435 сл.] исправить в тексте Диодора мифических Археанактидов на ἀρχαὶ ἀνακτιοταί, видя в последних власть-восстановители её отеческих порядков (к числу которых, естественно, отно-

сился и остракизм) после постигших полис испытаний.

Кроме того, № 1 опубликованного списка даёт интересные сведения о составе гражданского коллектива пантикапейцев в конце VI — начале V в. до н. э. И указывает, что эпойки прибывали на Боспор в VI столетии из таких далёких регионов, как острова в Ионическом море.

Список сокращений

ГБУ РК ВКИКМЗ — Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
КМГ — шифр хранения ГБУ РК ВКИКМЗ
AJA — American Journal of Archaeology
CRAI — Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
REA — Revue des études anciennes
REG — Revue des études grecques
RFIC — Rivista di filologia e d'istruzione classica

1. Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII-V вв. до н. э.: Письменные источники и археология. — Тбилиси: Мешниереба, 1990. С. 48–73.
2. Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. — Вып. 9. — Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО», 1998. — С. 36–46.
3. Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996–1997): Сборник статей. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 1999. — С. 91–129.
4. Корпус боспорских надписей. — М.; Л.: Наука, 1965. — 951 с.
5. Леви Е. И. Ольвия: Город эпохи эллинизма. — Л.: Наука, 1985. — 152 с.
6. Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // Вестник древней истории. — 1976. — № 3. — С. 121–141.
7. Соломоник Е. I. Inedita // Іноземна філологія. — Вып. 85. — Львів: Львівський Університет, 1987. — С. 111–117.
8. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 640 с.
9. Туровский Е. Я. Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник 1996. — Харьков: Бизнес Информ, 1997. — С. 96–101.
10. Шелов-Коведяев Ф. В., Толстикова В. П. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х.: Из истории Пантикапея начала эпохи классики // Древности Боспора. — Вып. 18. — 2014. — С. 452–504.
11. Шелов-Коведяев Ф. В. К ранней истории Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. — № 3. — 2018 (в печати).
12. Шелов-Коведяев Ф. В. Древнегреческая поэзия на Боспоре // Аристей. — Т. XVII. — Вып. 2. — 2018 (в печати).
13. Шелов-Коведяев Ф. В. Аполлон ИНТРОС и Артемида Пифийская // V Аверинцевские Чтения. Сб. материалов. — 2019 (в печати).
14. Шелов-Коведяев Ф. В. Остраконы Азиатского Боспора // Российская археология. — 2019 (в печати).
15. Vacchielli L. L'ostracismo a Cirene // RFIC. — 122. 2. — 1994. — P. 257–270.
16. Bulletin épigraphique // REG. — T. 52. — 1939. — F. 246–247.
17. Bulletin épigraphique // REG. — T. 81. — 1968. — F. 386–388.
18. Bulletin épigraphique // REG. — T. 89. — 1976. — F. 426–427.
19. Bulletin épigraphique // REG. — T. 94. — 1981. — F. 447–449

20. Bulletin épigraphique // REG. — T. 113. — 2000. — N. 2.
21. Brenne S. Die Ostraka (487 — ca 416 v. Chr.) als Testimonien // P. Siewert (Hrsg.): Ostrakismos-Testimonien Bd. 1 (Historia Einzelschriften Bd. 155): Die Zeugnisse antiker Autoren, die Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. — S. 36-166.
22. Bresson A. De Marseille à Milet: Lettres lunaires et associations culturelles // REA. — T. 99. — 1999. — N. 3-4. — P. 491-506.
23. Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. — Chicago: Aris Publishers, 1978 (Reprint).
24. Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. — Genève: Droz, 1996. — 208 p.
25. Dubois L. Inscriptions grecques dialectales de Sicile. — R.: Ecole française de Rome, 1989. — 305 p.
26. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. — Frankfurt am Main; Bern; New York: Peter Lang, 1983. — 873 S.
27. Gorissen P. Litterae lunatae // Ancient Society. — Vol. 9. — 1978. — P. 149-163.
28. Guarducci M. L'epigrafia greca dalla origini al tardo Imperio. — R.: Libreria dello stato, 2005. — 561 p. + 5 tav.
29. Immerwahr H. R. Vase Inscriptions and Stone Inscriptions, the Problem of Attic Letter Forms // AJA. Vol. 67. 1965. P. 157-186.
30. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. — Oxford: Clarendon Press, 1963. — 416 p. + 72 Pl., 1 Tab.
31. Lang M. L. Ostraka (Athenian Agora Vol. XXV). — Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1990. — 188 p. + 30 Fig., 11 Pl., Plan.
32. Mossé C. Die politische Prozesse und die Krise der athenischen Demokratie // Hellenische Poleis: Krise — Wandlung — Wirkung. — Bd. 1. B., 1974. — S. 160-187.
33. Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. — 1985. — V. 7. P. 9-18.
34. Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. — Bruxelles, 1992.
35. Phillips D. J. Observations on Some Ostraca from the Athenian Agora // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. — Bd. 83. — 1990. — S. 133-139.
36. Preller L. Griechische Mythologie. 6. Aufl. Berlin: Heinmann. — 1923. — 685 S.
37. Raubitschek A. E. The Origin of Ostracism // AJA. — Vol. 53. — 1951. — P. 221-229.
38. Reinach S. Traité d'épigraphie grecque. — P.: E. Leroux, 1885.
39. Robert L. Epigraphie et paléographie // CRAI. — N. 2. — 1955. — P. 195-222.
40. P. Siewert (Hrsg.): Ostrakismos-Testimonien Bd. 1 (Historia Einzelschriften Bd. 155): Die Zeugnisse antiker Autoren, die Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. — 540 S.
41. Vinogradov Ju., Zolotarev M. LaChersonèsedelafundel'archaïsme // LePont-Euxinvu-parlesGrecs: Sources écritesetarchéologie (Annales Littéraires de l'Université de Besançon vol. 427). — P.: Les belles lettres, 1990. — P. 84-119.
42. Vinogradov Ju. G. Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. — Mainz am Rhein: Philipp von Zabern Verlag, 1997. — 703 S. + 40 Taf.
43. Vinogradov Ju. G., Zolotarev M. I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // Minima epigraphica et papyrologica. — Vol. V. — F. 2. R.: "L'ERMA" di BRETSCHNEIDER, 1999. — P. 111-131.
44. Vinogradov Ju. G. Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike // Gab es das Griechische Wunder? : Griechenland zwischen dem Ende des 6. UndderMitteldes 5. Jahrhunderts v. Chr. — Mainz am Rhein: Philipp von Zabern Verlag, 2001. — S. 379-386.

The article presents a summary of the data archaeological research conducted by OOO "Irida" in the area construction of objects of ZAO «Tamanneftegaz» 2013 — 2018 g. Special attention is paid to the excavations of one of the largest ancient settlements of the south — the western part of the Taman Peninsula to the settlement of Volna — 1 and ground the burial ground of this settlement, opened by a group of archaeological excavations OOO "Irida" in 2014 under the leadership of I. V. Tsokur.

Keywords: OOO "Irida", excavation, expedition, settlement, kurgan, ground burial ground, antiquity.